

УДК 1(091)

П. РИКЁР: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ И ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ¹

Б.Л. Губман

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматривается влияние лингвистического поворота в философии на формирование эпистемологии исторического познания П. Рикёра. Синтез наследия М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна интерпретируется как основание трактовки Рикёром проблемы постижения действия исторического субъекта. Анализируются проблемы и противоречия, возникающие в процессе осмысления Рикёром эпистемологической специфики исторической наррации в диалоге с ведущими теоретиками англо-американской аналитической философии истории.

Ключевые слова: субъект, действие, история, лингвистический поворот, наррация, аналитическая философия истории, герменевтика.

В творчестве одного из наиболее видных теоретиков герменевтики минувшего XX столетия П. Рикёра проблема онтологических оснований и эпистемологической специфики постижения истории является одной из центральных. Следуя в фарватере хайдеггеровской трактовки исторического мышления как укорененного в изначальной историчности человеческого существования, французский философ задается вопросом о нарративном механизме его фиксации. Эволюция его мысли отмечена не только переосмыслением феноменологии в герменевтическом ключе, но и внимательным отношением к традиции аналитической философии. Именно поэтому он задумывается о сущности лингвистического поворота и значимости такового применительно к рефлексивному осмыслению структуры рассказа о том, что случилось в прошлом в свете настоящего (см.: [4; 5]). Если в стане приверженцев аналитической философии идет процесс постепенного осознания близости герменевтической установки базисным идеям мысли лингвистической философии Л. Витгенштейна и его последователей (Р. Рорти), то Рикёр, пожалуй, наиболее полно продемонстрировал перспективы альянса метафизики конечности с витгенштейнианской платформой применительно к проблеме постижения истории. Отсюда и его пристальный интерес к целостной традиции англо-американской аналитической философии истории. На примере творчества Рикёра отчетливо просматривается движение к ассимиляции нарративистских идей аналитической философии истории в герменевтике как своеобразный «отзвук» параллельного курса на восприятие герменевтической установки в рядах англо-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-33-00047.

американских теоретиков, обсуждающих в эпистемологической плоскости способ познания минувшего. Попытаемся проанализировать понимание Рикёром значения лингвистического поворота для постижения истории.

М. Хайдеггер и Л. Витгенштейн: действие как значимый текст и его присвоение читателем

Ассимиляция идей лингвистической философии состоялась в поле исканий Рикёра благодаря осознанию им близости содержания теории языковых игр герменевтической проблематике самоописания и самоинтерпретации человеческого существования во времени. Разумеется, он отлично осознавал различия задач фундаментальной онтологии Хайдеггера и заостренной в антиметафизическом ключе теории языковых игр Витгенштейна. Однако для Рикёра важно, что мировоззренческие различия этих двух авторов отнюдь не должны мешать признанию родства их подходов к проблеме постоянного генерирования новых смыслов в процессе игрового описания свершившихся человеческих действий в перспективе постоянно трансформирующегося горизонта настоящего. Все дело в том, что в идейном наследии Витгенштейна и его последователей Рикёр увидел внимательную работу с языковым материалом, способную, на его взгляд, дополнить положения метафизики конечности хайдеггеровского типа. Хайдеггер запечатлел бытие человеческого субъекта во времени как сопряженное с постоянным генерированием смыслов, но специально не затрагивал при этом механизм их порождения в интересубъективном знаковом контексте. Именно поэтому Рикёр замечает, что «семантика многозначных выражений вступает в плодотворный диалог с учениями, исходящими из “Философских исследований” Витгенштейна и анализа обыденного языка, предпринятого в англосаксонских странах...» [6, с. 47]. Не следует забывать и того обстоятельства, что Хайдеггера и Витгенштейна Рикёр рассматривает на фоне внимательного прочтения сочинений Х.-Г. Гадамера, который также говорил о значимости понимания определенного созвучия исканий этих двух крупнейших мыслителей XX столетия в плане подхода к феномену семантического творчества, порождения мира языковых смыслов.

Конечно же, Рикёр исходит в своем видении человеческого действия прежде всего из посылок хайдеггеровской фундаментальной онтологии, предполагающей своим отправным пунктом существование человека в неумолимом потоке времени, открываемом феноменологической аналитикой «бытия-сознания». Однако при этом он полагает, что изначальная историчность существования, неотрывная от актов самопроектирования и действия субъекта, совершающего движение по немислимому вне времени маршруту своей жизни, фиксируется как текстовая реальность. Текст несет в себе определенные языковые способы

описания действия как наполненного смыслом. Варианты стратегии описания действия могут варьироваться и осуществляться по различным правилам принимаемого языка. При этом не следует забывать, как полагает Рикёр, что сам выбор языка описания с его правилами ведется изначально в интерсубъективном поле, содержит возможность поливариантного, многогранного постижения смыслового содержания действия субъекта в потоке времени. Не только цепь событий рассказа о случившемся, но и индивидуальные акты деятельности могут предстать в плане несхожих семантических и прагматических ракурсов их дискурсивно-текстовой подачи. Принимая такую перспективу видения актов действия субъектов, созидающих ткань социокультурной жизни во времени, Рикёр и пытается соединить экзистенциально-герменевтическую установку с положениями лингвистической философии.

Разумеется, вариант синтеза феноменологической герменевтики и лингвистической философии вряд ли удовлетворит последовательного сторонника обоих направлений, ибо допускает открыто возможность отклонения от их ортодоксальных установок, таящую многочисленные противоречия. Уже истолковывая феноменологию в ключе герменевтического подхода, он, на взгляд последовательного сторонника буквы учения Э. Гуссерля, допускает непростительный отход от тезиса о возможности однозначного полагания смысла в границах сознания. Еще большие вопросы сторонника «доктринальной чистоты» должен вызвать рикёрианский взгляд, допускающий возможность обращения к теории языковых игр Витгенштейна и поливариантность таковых при описании и интерпретации действия субъекта. И уж совсем не в духе витгенштейнианского подхода звучит тезис Рикёра о априорных правилах, присущих различным языковым играм, ориентированным на описание действия субъекта. Этот кантианский момент его построений будет в равной мере неприемлем как для ортодоксального феноменолога, так и для адепта лингвистической философии, приверженных их чистоте. Однако подобного рода возражения отнюдь не смущают французского философа, полагающего разнообразие эпистемологических стратегий и вытекающих из них онтологических проекций вполне допустимыми в формате собственной герменевтической платформы.

Фиксация человеческого действия, по Рикёру, всегда означает признание его принадлежности индивиду, который совершает его в конкретной ситуации пространства и времени. Подобный подход порождает особый способ семантического описания индивидуальных акторов и неповторимых условий, в которых они действуют. В аналитической традиции, как считает французский автор, такого рода положение дел наиболее интересно запечатлевается П. Стросоном в его теории индивидуации, предполагающей особый онтологический статус человеческих существ в их телесной и духовно-психической неповторимости. Перспектива экзистенциальной онтологии изначально открывает источ-

ник историчности действия в свободном решении субъекта, подразумеваемая обращение к исходному кантовскому признанию дуальности его постижения как принадлежащего одновременно эмпирическому миру, где действуют причинно-следственные связи, и сферы вещей в себе, в которой мыслимы проявления ничем не лимитированного волеизъявления. Поэтому в плане семантическом, как полагает Рикёр, возникает запечатлеваемый аналитической мыслью дуализм текстового описания значения человеческого действия. Рикёр говорит в этой связи о двух типах языковых игр, каждая из которых обладает собственным априорным основанием: стратегией фиксации причинно-следственных отношений и описанием смыслового содержания предпринимаемого действия как полагаемого свободным волеизъявлением человеческого субъекта [8, р. 87].

Действие предполагает описание, с одной стороны, в терминологии объектно-вещных связей, когда фиксируемое поведение субъекта выглядит причиной определенных следствий, которые эмпирически запечатлеваемы в области реалий описываемого мира. Так обстоит дело, по Рикёру, с элементарными действиями и их последствиями, которые наблюдаются их свидетелями и запечатлеваются потенциально в текстовом сообщении. Но любое действие ситуативно и может иметь не только непосредственные следствия. Даже кажущееся элементарным действие в реалиях человеческого мира может породить целую сеть следствий, которые представляют существенную проблему в перспективе полноты их описания. При описании действия его агент изначально отделяется от содеянного и его последствий. При этом сразу же возникает вопрос о его ответственности, а также о намерениях агента действия. «В случае простых действий, – замечает Рикёр, – таких, которые не предполагают предшествующих им действий для собственной реализации, значение (поема) и намерение (poesis) совпадают или совмещаются. В случае комплексных действий некоторые их сегменты столь удалены от начальных простых частей, которые характеризуются как выражающие интенции субъекта, что приписывание этих действий или действий-сегментов составляет столь же сложноразрешимую проблему как авторство в некоторых случаях литературной критики. Обнаружение автора становится результатом вывода, хорошо известного историку, который пытается изолировать роль исторического персонажа в ходе событий» [11, р. 206]. Разгадки цели и мотивации действия выглядят самостоятельными, хотя и связанными задачами. Обнаружение мотивации исторического деятеля неминуемо переносит усилие исследователя в моделирование процессов мысли, радикально отличающееся от обнаружения эмпирически наличных, запечатлеваемых источниками причинно-следственных связей. Опираясь на построения ученика и последователя Л. Витгенштейна П. Уинча, Рикёр полагает возможным обнаружение значения действия того или иного исторического деятеля пу-

тем обращения к институционализированным формам поведения, бытующим в ту или иную эпоху [11, р. 207]. Так, на его взгляд, возможна «депсихологизация» постижения интенций субъектов на фоне определенных исторических реалий.

Описание действия, по Рикёру, предполагает не только проникновение в мир совершающего его субъекта, но и понимание того обстоятельства, что оно ведется автором повествования, который также является обитателем собственного мира с его особым пространственно-временным измерением. Следовательно, неминуемо устанавливается связь между этими двумя мирами, а на перекрестках их взаимопересечения рождается смысловое описание действия и его последствий. Рикёр утверждает, что открытость смысла текста предполагает также сопряженность мира автора и мира читателя. Воздействие авторского повествования о совершающемся действии на читателя предполагает, как считает Рикёр, обращение к инструментарию лингвистической прагматики, рефлексивно осмысленному в сочинениях Д. Остина, Д. Серля, Э. Энском и др. Не только локутивный, но и иллокутивный и перлокутивный потенциал языка участвует в воздействии на читателя, в формировании осмысленной картины совершенного действия. Таким образом организуется связь времен и коррелятивных им миров, в которых осознается смысл действия. Однако при этом не следует забывать, что текст, однажды родившись, начинает жить самостоятельной жизнью, парадоксальным образом независимой от его автора.

Появившись во времени и в силу этого обстоятельства являясь продуктом истории, текст рисуется Рикёром как самостоятельное образование, продуцирующее таковую. Это происходит в силу его «вплетенности» в интересующие связи и открытости будущему. «Лишь дискурс, а не язык адресуется кому-либо. В этом состоит основание коммуникации. Но одно дело для дискурса быть адресованным партнеру, также присутствующему в ситуации дискурса, и совсем иное – быть адресованным, и так обстоит дело с каждым фрагментом письма, любому, кто способен читать. Узость диалогического отношения взрывается. Вместо того, чтобы быть адресованным тебе, второму лицу, написанное адресуется публике, которую само создает» [10, р. 149–150]. Следовательно, текст описания действия, обретая самостоятельное существование, может во времени получать новое смысловое содержание, которое по сути ничем не лимитировано в своей открытости и способно формировать читателя. В силу подобного влияния и способности нести опыт прошлого, опосредуя межсубъектное взаимодействие во времени, текст становится значимым фактором исторического становления.

Сам механизм приростания смысла текстового содержания Рикёр именуется «присвоением» – «апроприацией». Он рассматривает его как тип игровой деятельности, сопровождающий процесс коммуникации. В

этом случае игровая активность субъекта понимается им в варианте, предложенном Х.-Г. Гадамером.

Экзистенциальные основания и языковая форма исторической наррации

Индивидуальные акты человеческой деятельности, переплетаясь между собой, служат основой для создания разветвленной сети событий, вершащихся в пространстве и времени, которые конституируют историю. Запечатлевающие индивидуальные акты–микро-тексты представляются Рикёру базой для построения макроповествований об истории, которые всегда открыты современности и вызревают в свете проблем, формулируемых в её контексте. В финальной же инстанции история как реальность и история как повествование укоренены в онтологии человеческого существования во времени. Отсюда и запрос на форму описания прошлого, которая позволяет осуществить целостное видение интересующего субъекта сегмента минувшего в свете традиции и вопроса, адресуемого ему в горизонте настоящего. Рассказ о событиях истории, наррация имеет своим истоком заинтересованность экзистенциального субъекта событиями минувшего в горизонте вопросов, формулируемых в настоящем.

«Используя словарь Витгенштейна, – пишет Рикёр, – можно сказать, что, если повествование является уникальной “языковой игрой”, и если языковая игра “есть часть деятельности или форма жизни”, то тогда мы должны спросить, с какой формой жизни нарративный дискурс как целостность связан. Это то, что я называю “исследованием нарративной функции”» [11, р. 274]. Рассмотрение последней представляется Рикёру предполагающим наличие двух взаимосвязанных уровней: уровня смысла и уровня означения – референции. Поскольку рассказ представлен как в художественной прозе, так и в истории, по его мнению, вполне логичным будет вопрос о существовании общей структурной организации, которая роднит их. Его рассмотрение предполагается на первом из названных уровней, тогда как второй уровень сопряжен с рассмотрением предметной отнесенности повествования. «Эта черта характеризуется различными философиями термином “историчность”, означающим фундаментальный и радикальный факт того, что мы делаем историю, что мы погружены в историю, что мы являемся историческими существами» [11, р. 274]. Последний период творческой деятельности Рикёра сфокусирован именно на обосновании возможности и структурных особенностей наррации в художественной прозе и историографии (см.: [1, с.340]). Разработка этой группы вопросов потребовала интенсивного осмысления возможности синтеза положений учений М. Хайдеггера и Х.Г. Гадамера и таких ведущих представителей англо-американской аналитической философии истории, как К. Поппер, К.

Гемпель, У. Дрэй, А. Данто, У.Б. Галли, Л.О. Минк, М. Уайт, Х. Уайт, Ф. Анкерсмит и другие авторы.

Обращаясь к проблеме исторического повествования, Рикёр подмечает фундаментальные черты его отличия не только как процедуры изложения материала, но и как особого способа познания, организации процесса постижения предметности истории как принципиально незавершенной и сопряженной с моментом настоящего. Сама нарративная форма познания истории выглядит в этой перспективе сопрягающей смысловой и референциальный компоненты, присущие ей. Если история всегда рассказывает об избранном событии и цепи таковых, то подобного рода дискурс, чтобы обладать смыслом, должен содержать утверждения о случившемся в границах некоей целостности, предполагающей пространственно-временную определенность и связь с современностью. При этом сразу же возникает вопрос об отличии исторического повествования от организации познавательной процедуры в естествознании с его строгим разграничением фиксации данных наблюдения и эксперимента и экспликативной составляющей, непредставимой вне устремленности к получению номологических суждений эмпирического и теоретического плана.

Предметность случившегося – события, в отличие от экспериментального варианта получения знания в истории дана лишь опосредованно, на базе архивирования происходящего во времени и критического отбора материала разнородных источников. То, что случилось, и Рикёр это жестко фиксирует, репрезентируется опосредованно, в косвенном виде на базе текстового материала источников. Одновременно эмпирический материал не отделен в повествовании от экспликативной процедуры. Все эти размышления сопровождали подход Рикёра к определению специфики нарративного постижения истории. Именно поэтому он, приступая к рассмотрению специфики нарративной формы постижения исторической предметности, обращается прежде всего к критическому осмыслению логики исторического объяснения, запечатленной в модели К. Поппера–К. Гемпеля.

Не отрицая значимости проведенного Поппером и Гемпелем исследования экспликации исторического материала на базе определенного рода генерализаций, французский автор подчеркивает, что любые мыслительные обобщенные формулы, подобные номологическим суждениям, служат лишь своеобразным вспомогательным звеном для объяснения через частную причину, которое вплетается в целостное историческое повествование. В этом, подобно Р. Дж. Коллингвуду, он усматривает фундаментальное отличие функции объяснения в контексте исторической наррации от естественнонаучного исследования. В герменевтической перспективе объяснительные процедуры рисуются органично сочетающимися с пониманием как имеющим онтологическое основания. Этим рикёрианский подход будет в принципе отличаться от

схожих построений, например, такого представителя аналитической философии истории, как А. Данто. С сочинениями этого автора Рикёр был хорошо знаком и солидарен со многими его выводами касательно процедуры объяснения и ее статуса в процессе создания исторической наррации. Однако даже такого рода родство воззрений не означает полного совпадения подходов этих двух авторов к сочетанию понимания и объяснения в построении исторического повествования. При всех симпатиях Данто к герменевтической установке, он, как последовательный сторонник аналитического типа теоретизирования, конечно же, не может принять онтологических оснований рассуждений Рикёра о понимании. Эти расхождения сохраняются и при рассмотрении ими в целом наррации как особого типа познания, существующего наряду с теоретическим.

Обращаясь к проблеме построения исторического нарратива, Рикёр в первую очередь солидаризируется со многими выводами Л.О. Минка, хотя в его сочинениях присутствуют также ссылки и на произведения А. Данто, Ф. Анкерсмита, М. Уайта, Х. Уайта и других авторов, развивающих эту тематику в русле основоположений аналитической традиции. Минк, конечно же, интересуется Рикёра как автор, наиболее ярко заявивший о родстве исторической и художественной наррации. Характерно, что в процессе эволюции подхода Рикёра к построению теории исторического нарратива наблюдается движение от определенного противопоставления такового в истории и литературе к фактическому признанию их полной эпистемологической тождественности. Последнее обстоятельство говорит о все большем сближении позиций Рикёра и Минка.

Сравнивая историю и художественное повествование, Минк пришел к выводу, что «из истории и литературы мы узнаем, как рассказывать и понимать комплексные истории и каким образом истории отвечают на вопросы» [9, р. 558]. Рикёр соглашается в этом с Минком, полагая, что исторический и литературный нарративы схожи в том, что они служат способом ответа на проблемную ситуацию современности и вызревающий в её контексте вопрос через целостное повествование о цепи описываемых событий. В этом смысле любая наррация, как справедливо утверждал еще Гадамер, подчинена открытой Коллингвудом логике вопроса и ответа (см.: [2, с. 62]). При этом оказывается, что нарративная стратегия познания событий, свершившихся во времени, сопряжена с определенной формой подачи материала, его выражения.

Любая форма повествования о событиях минувшего, кроме того, что она связана с настоящим и составляет некоторую упорядоченную целостность, предполагает наличие сюжета, определяющего замысел исследования. Сходство литературного и исторического повествования заключается также в наличии интриги, позволяющей не только возбудить интерес читателя, но и проблематизировать исследовательскую

сторону создаваемого произведения. Рикёр вполне солидарен с Минком и другими представителями аналитической философии истории в том, что интрига, роднящая историю и литературу, служит реализации исследовательского плана повествования, а не только формальной стороне его организации. Композиция повествования, по убеждению Рикёра и теоретиков аналитической ориентации, также имеет двойную исследовательскую и формообразующую функцию. Ведь композиционная канва изложения событий, совершаемых в истории, способна раскрыть цепи значимых каузальных, структурных и иных связей в динамике его хронопической организации. Хотя описывая референцильные основания нарративной организации текста, Рикёр открыто не солидаризируется с теорией «нарративной субстанции» Анкерсмита, его построения, содержащие упоминание трудов этого автора, дают основание думать о позитивном отношении французского философа к выкладкам нидерландского коллеги в плане решения проблемы исторической репрезентации [7, с. 391]. При этом, конечно же, не стоит забывать о гадамеровских истоках его трактовки исторического опыта, репрезентируемого в ткани исторической наррации (см.: [3]).

Среди философов-аналитиков внимание Рикёра привлекает и интерпретация исторического повествования Х. Уайта, возникшая в поле влияния не только лингвистической философии, постпозитивизма Т. Куна, но также парадигмы теоретизирования новой интеллектуальной истории и постструктурализма. В построениях Х. Уайта Рикёр позитивно оценивает попытку обнаружения оснований типологии исторического повествования в многослойности его конституирования, прослеживаемой американским автором в конкретике практики историографии. «Парадигмы, – пишет Рикёр, – это матрицы, предназначенные для порождения очевидных структур в неограниченном количестве. В этом отношении критика, согласно которой Х. Уайт колеблется между детерминизмом и свободным выбором, кажется мне легко опровержимой: именно формальным матрицам свойственно расширять ограниченное пространство выбора» [7, с. 355]. Рикёр полагает в данной связи возможным провести аналогию между идеей «упорядоченного продуцирования» американского автора и кантовской концепцией продуктивного воображения. Рикёра не смущает крайний вариант отказа Х. Уайта от обсуждения вообще возможности воспроизведения событий минувшего в их независимости от избираемого ракурса наррации. Однако сам он склонен скорее говорить о косвенной репрезентации событий минувшего сквозь призму трансляции исторического опыта, многообразия форм таковой.

Рикёр серьезно воспринял лингвистический поворот современной западной философии и оценил его значение для разработки герменевтического варианта понимания постижения истории в форме наррации. Отсюда и его пристальный интерес не только к наследию Л. Вит-

генштейна, но и к аналитической традиции в целом, предлагаемой ее представителями версии понимания природы исторического повествования. Поэтому вполне мотивированным выглядит его обращение к платформе лингвистической философии при рассмотрении текстового отображения человеческого действия, а вслед за тем и специфики нарративной формы постижения истории. Солидаризируясь со многими моментами трактовки англо-американской аналитической философией способа организации исторического повествования, Рикёр последовательно проводит стратегию раскрытия онтологической укорененности нарративной формы рефлексивного постижения истории в специфике человеческого существования во времени.

Список литературы

1. Вдовина И.С. Феноменология во Франции. М.: Канон +, 2009. 400 с.
2. Губман Б.Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций. М.: Наука, 1991. 192 с.
3. Губман Б.Л. Гадамер и П. Рикёр: исторический опыт и нарратив // Поль Рикёр: Человек–Общество–Цивилизация / под ред. И.И. Блауберг и И.С. Вдовиной. М.: Канон+, 2015. С. 193–211.
4. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Лингвистический поворот и история в философии Р. Рорти // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2017. № 2. С. 165–177.
5. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 6. С. 44–55.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2002. 624 с.
7. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 726 с.
8. Рикёр П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 420 с.
9. Mink L. O. History and Fiction as Modes of Comprehension // New Literary History. V.1. №. 3. History and Fiction (Spring, 1970). P.541–558.
10. Ricoeur P. From Text to Action. - Evanston: Northwestern University Press, 1991. 343 p.
11. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 314 p.

P. RICOEUR: THE LINGUISTIC TURN AND HISTORICAL UNDERSTANDING

B.L. Gubman

Tver State University, Tver

The article is aimed at the analysis of the linguistic turn influence on the formation of P. Ricoeur's epistemology of history. Dealing with the problem of subject's of history actions comprehension, Ricoeur proposed an approach based on the synthesis of M. Heidegger's and L. Wittgenstein's views. His problematic and contradictory treatment of epistemological foundations of historical narration should be understood as the outcome of the prolific dialogue with the Anglo-American analytical philosophy of history.

Keywords: *subject, action, history, linguistic turn, narration, analytical philosophy of history, hermeneutics.*

Об авторе:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: gubman@mail.ru

Author information:

GUBMAN Boris Lvovich – Ph.D., Prof., Chair of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: gubman@mail.ru